

ДАНЕЛИЯ К. Д., САРДЖВЕЛАДЗЕ З. А.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А. Г. ШАНИДЗЕ

В этом году лингвистическая общественность Грузии и всей страны отмечает столетний юбилей члена-корреспондента АН СССР Акакия Гавриловича Шанидзе. Вот уже на протяжении восьмидесяти лет продолжается неутомимая и многогранная деятельность ученого. Древний и современный грузинский язык, история грузинского языка, изучение и публикация древнегрузинских текстов, структура мегрельского и сванского языков, их история, собрание и публикация мегрельских и сванских текстов, лексика картвельских языков, актуальные вопросы грузинской диалектологии, изучение грузинских диалектных и фольклорных текстов, их научная публикация, грузинская лексикология и лексикография, руставелология, вопросы истории Грузии, грузинская эпиграфика и палеография, арменистика, кавказско-албанская письменность, проблематика северокавказского языкознания — вот неполный перечень сфер исследования, которым он посвятил не одну сотню работ, среди них десяток монографий.

А. Г. Шанидзе является основоположником многих картвелологических научных дисциплин. Большой талант и широкое лингвистическое образование (среди его учителей по Петербургскому университету достаточно упомянуть имена И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. Я. Марра и Л. В. Щербы), а также последовательная методология — этими признаками отмечены его научные изыскания.

А. Г. Шанидзе-языковед — прежде всего исследователь структуры и истории грузинского и других картвельских языков. В каждой из его работ мы неизменно ощущаем глубокое и всестороннее владение материалом. Он постоянно стремится к тому, чтобы выдвигаемые им теоретические положения опирались на анализ фактического материала, и именно поэтому столь убедительны его выводы. И хотя у ученого нет сугубо теоретических работ, в его многочисленных трудах высказано немало заслуживающих внимания идей, представляющих интерес не только для исследователей разноразличных языков, но и для специалистов по общему языкознанию.

Научный стиль А. Г. Шанидзе отличается предельной лаконичностью. Мы не найдем у него пространных, оторванных от фактов общих рассуждений. Анализируя тот или иной вопрос, он избегает громоздкого технического аппарата. Очень редки в работах А. Г. Шанидзе и ссылки на общелингвистическую литературу. С первого взгляда может даже возникнуть впечатление, что исследователя не коснулись те сдвиги и изменения, которые происходят в языкознании с начала XX в. вплоть до наших дней (отмечалось, например, что в его трудах не видно влияния идей и специфической терминологии одного из основателей современного языкознания — Ф. де Соссюра [1, с. 61]). Однако более близкое знакомство с тру-

дами А. Г. Шанидзе убеждает нас в том, что ему прекрасно известна общелингвистическая проблематика, а в своих конкретных изысканиях он использует те приемы и методы, которые находит приемлемыми, хотя по этому поводу и не делает каких-либо оговорок.

В этом смысле исключением можно считать его речь, произнесенную 9 мая 1920 г. на заседании Ученого совета Тбилисского государственного университета при защите докторской диссертации, в которой он резко отмежевался от яфетической теории своего учителя Н. Я. Марра и его методологии, категорически указал на их неприемлемость при исследовании языкового материала [2]. Впрочем, здесь же следует отметить, что он особо подчеркивал большие заслуги Н. Я. Марра в исследовании и публикации древнегрузинских письменных памятников.

Акакий Шанидзе является первым исследователем, который сумел постичь, наглядно показать и описать систему грузинского языка. Следует отметить, что авторы грузинских грамматик XVIII—XIX вв., несмотря на их несомненные заслуги в изучении грузинского языка, не смогли увидеть системного характера языковых явлений. В этом отношении характерно известное высказывание Платона Иоселиани о грузинском глаголе, согласно которому все глаголы грузинского являются неправильными (автор этих слов имел в виду сложность грузинского глагола и неизученность его системы). Язык вообще, и грузинский язык в частности есть система — этой мыслью проникнуты труды А. Г. Шанидзе.

Необходимо особо подчеркнуть то обстоятельство, что идею системности языка А. Г. Шанидзе распространил и на диахронию. В современном грузинском языке показателем 2-го лица субъекта в трех глаголах выступает преф. *x*: *x-ar* «ты есть»; *to-x-wal* «ты придешь», *to-x-wed-i* «ты пришел». Это «аномальное» явление было известно, но не получало своего истолкования. А. Г. Шанидзе обратил внимание на несколько глагольных форм, засвидетельствованных в Болнисской и Мцхетской надписях, где показателем 3-го лица объекта выступает преф. *x*-, и высказал предположение, что на более ранней ступени истории грузинского языка преф. *x*-употреблялся в качестве аффикса 2-го лица субъекта и 3-го лица объекта [3]. Это предположение было вскоре документально подтверждено. Уже в конце 1922 г. И. А. Джавахишвили в грузинских рукописях VI в. обнаружил систематическое употребление преф. *x*- как показателя 2-го лица субъекта и 3-го лица объекта.

Публикация и изучение древнейших грузинских рукописей, в чем немалая заслуга принадлежит и А. Г. Шанидзе, явилось значительным этапом в истории грузинской культуры. Довольно рано назрел вопрос о всестороннем анализе языка этих письменных памятников. И. А. Джавахишвили полагал, что первоначально в грузинском языке употреблялся преф. *x*-, который затем преобразовался в *h*- [4]. А. Г. Шанидзе в связи с этим отмечал, что если бы имело место фонетическое изменение $x > h$, то оно должно было осуществиться фронтально, и тогда мы не имели бы исходного согласного *x*- и в таких корнях, как *zut*- «пить», *xed*- «видеть», *sahe*- «лицо, образ» и др. А. Г. Шанидзе не разделял мнения И. А. Джавахишвили по той причине, что в указанных корнях *x* сохранился, не перейдя в *h*. По его мнению, преф. *x*- был характерен для определенного диалектного ареала, а преф. *h* для какого-то другого [5]. И в данном случае отчетливо проявляется системный подход А. Г. Шанидзе к изучению языковых фактов: если в определенных условиях мы объясняем языковые факты допущением фонетических изменений, то теми же фонетическими изменениями должны объясняться и другие подобные языковые факты.

В 1920 г. была опубликована монография А. Г. Шанидзе «Субъектный префикс второго лица и объектный префикс третьего лица в грузинских глаголах», где подробно рассматривается вопрос о личных показателях грузинского глагола. Здесь, однако, автор не ограничивается личными глагольными аффиксами, он анализирует и многие другие существенные вопросы грузинского глагола. Показательной представляется методика исследования, используемая в этой работе А. Г. Шанидзе. Сначала автор рассматривает положение вещей в древнегрузинском, а затем он изучает вопрос о выражении 2-го лица субъекта и 3-го лица объекта в среднегрузинском (XII—XVIII вв.) и лишь после этого переходит к соответствующему материалу новогрузинского (с XIX в. — по 10-е годы XX в.). Охарактеризовав состояние литературного языка, А. Г. Шанидзе рассматривает факты грузинских диалектов, каждого в отдельности. Всегда и везде ученый максимально строг и пунктуален, нет случаев смешения уровней и систем: древнегрузинский для А. Г. Шанидзе — один хронологический срез, среднегрузинский — другой, а новогрузинский — третий. Каждый диалект — отдельная система, так же как и литературный язык, он представляет собой самостоятельную величину. Подобный анализ не является для автора самоцелью, его результатом оказывается то, что А. Г. Шанидзе последовательно прослеживает картину эволюции показателей 2-го лица субъекта и 3-го лица объекта на основе сопоставления данных различных хронологических срезов и систем грузинского языка.

Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что А. Г. Шанидзе использовал подобную методку при исследовании конкретных проблем еще в 10-х годах XX в., — печатание русского варианта работы А. Г. Шанидзе началось в 1915 г. в Петрограде в типографии Российской Академии Наук, когда, к сожалению, было лабрано лишь 48 страниц (по различным причинам книгу не удалось отпечатать полностью).

В ходе исследования А. Шанидзе совершенно сознательно стремится строго разграничить хронологические уровни, что наглядно видно из предисловия к опубликованной в 1930 г. книге «Грузинская грамматика. I. Морфология». Автор пишет: «Настоящая книга представляет собой краткий учебник, в котором делается попытка разъяснить морфологический строй грузинского языка на том этапе развития, на котором он находится по данным литературных произведений. Книга — описательного характера, поэтому факты освещаются так, как они могут оцениваться с точки зрения норм современного литературного языка. Автор вообще старался не выходить за рамки новогрузинского литературного языка и материал для сравнения привлекал из древнегрузинского и живых наречий лишь в той степени, в какой он был необходим для толкования явлений, существующих ныне в литературном языке» [6, с. VII]. Отметим здесь же, что привлеченные в работе древнегрузинские факты и диалектные материалы никогда не смешиваются с данными современного грузинского языка.

Того же принципа придерживается А. Г. Шанидзе в своем фундаментальном труде «Основы грамматики грузинского языка» (1-е изд. — 1942 г., последнее — 1980 г.). В этом отношении особый интерес представляет точка зрения исследователя относительно так называемых локальных падежей. По мнению автора, некоторые послелого с течением времени прочно срослись с падежными формами, к тому же при этом произошли глубокие фонетические изменения, приведшие к стиранию грани между послелогом и падежным показателем. «Благодаря этому возникло основание считать падежным показателем полностью весь элемент, присоединяемый к именной основе» [7, с. 74].

Так, в древнегрузинском показатель твор. падежа *-it/-jt* выражал значение исходности: *kalakit* «из города», *sakartwelojt* «из Грузии». Уже в древнегрузинском к этой простой форме стал присоединяться послелог *-gan*. В переходный период между древне- и среднегрузинским происходит ассимилятивное озвончение: *-itgan* > *-idgan*. Следующий этап — выпадение *g* (*-idan*). В новогрузинском имеются лишь формы такого типа. По мнению А. Г. Шанидзе, *kalakidan* не является формой твор. падежа с послелогом, поскольку *-idan* на синхронном уровне не расчленяется. Он пишет: «Под влиянием фонетического фактора *-idan*, полученный из *-itgan*, уже нечленимый аффикс. Этот аффикс стоит в том же ряду, что и надежные показатели; отсюда вытекает следующее заключение: *-idan* ныне является надежным показателем. Этот падеж — исходный» [7, с. 74]. Аналогичным образом исследователь выделяет достигательный и местный падежи [7, с. 74—75], см. также [8].

Четко различая синхронный и диахронический срезы, А. Г. Шанидзе не воздвигает между ними и непреодолимых преград. Результаты диахронического исследования способствуют правильной оценке многих фактов современного состояния языка.

Очевидная заслуга А. Г. Шанидзе состоит в выявлении морфологических категорий грузинского языка и представлении их в виде системы. Как понимает А. Г. Шанидзе грамматическую категорию? Автор отмечает: «Понятие, для выражения которого язык располагает определенным грамматическим средством, представляет собой грамматическую категорию. Грамматическая категория может быть морфологической или синтаксической» [7, с. 34]. Морфологическая категория, по мнению А. Г. Шанидзе, констатируется на основе сопоставления соизмеримых словоформ. В грузинском в результате этой процедуры выделяются две именные грамматические категории: падеж и число. Грузинский глагол имеет значительно большую совокупность морфологических категорий: лицо, число, время, наклонение, ряд (скрива), аспект и др. Каждая противоположная форма представляет собой элемент категории. Так, грамматическая категория числа объединяет единственное и множественное (при этом единственное и множественное мы можем назвать подкатегориями, а число — сверхкатегорией и т. п.) [7, с. 34].

Следовательно, грамматическая категория устанавливается путем сопоставления таких форм, которые отличаются друг от друга минимально как по выражению, так и по значению. Это означает, что сравниваемые единицы противопоставляются друг другу лишь по одному признаку. Еще в 1930 г. А. Шанидзе писал: «Завершая обзор глагольных категорий, считаю нужным остановиться на следующем: в чем причина того, что один и тот же комплекс звуков, который в грузинском обычно имеет вид значимого слова, может в одно и то же время иметь несколько толкований, или — что то же, одно слово, с одним и тем же внешним выражением может включать несколько грамматических значений. Что является основой того, что, скажем, в глаголе *vaketeb* „делаю“ выражено лицо (и субъекта и объекта), число, версия, залог, время, наклонение, вид, контакт? Основой служит то, что этот глагол *vaketeb* мы можем соизмерить с различными рядами того же слова и противопоставить им. Следствием окажется то, что при сопоставлении с одним рядом мы выделим один признак, с другим — другой, с третьим — третий и т. д.

Таким образом, слово, имеющее одну форму, один и тот же звуковой состав, в результате подобного сопоставления предстает морфологически как объединяющее несколько форм. При сопоставлении необходимо, чтобы

звуковое изменение всегда сопровождалось изменением в значении» [6, с. 134].

В итоге процедуры, примененной А. Г. Шанидзе, у глагольной формы *vaġeteb* оказались следующие категории: лицо — а) 1-е лицо субъекта (*v-ġeteb*) противопоставляется 2-му (*aġeteb*) и 3-му (*aġeteb-s*) лицам; б) 3-е лицо объекта, так как ему противопоставляется форма 2-го лица (*g-ġeteb*); число — единственное, поскольку мы имеем *vaġeteb-t*, которое при сопоставлении с формой *vaġeteb* выражает понятие множественности; версия — нейтральная, так как форме *vaġeteb* противопоставляются формы *viġeteb* (субъектная версия) и *vuġeteb* (объектная версия); залог — действительный, поскольку ему противопоставляется форма страдательного залога (*vġetdebi*); время — настоящее, выявляющееся в сопоставлении с прошедшим (*vaġetebdi*) и будущим (*vaġetebde*)...

Таким образом, суть проводимой А. Г. Шанидзе процедуры заключается в следующем: если минимальное изменение формы слова сопровождается изменением в грамматическом значении, тогда мы имеем право считать данную форму вместе с противопологающейся формой (или формами) членами грамматической оппозиции и выделить определенную грамматическую категорию.

Противопоставление форм может выражаться заменой грамматических показателей (*m-xaġavs* «рисует он меня», *g-xaġavs* «рисует он тебя») или же наличием и отсутствием формообразовательных аффиксов (*m-xaġavs* : *xaġavs*).

Оценку любой формы А. Г. Шанидзе производит при сопоставлении с другими формами. Например, какая-либо двухличная словоформа *damiġena* «поставил он меня» является формой, выражающей субъектную версию (*damiġena* «поставил он меня», *dagiġena* «поставил он тебя», *daiġena* «поставил он его»), где *i-* — морфема субъектной версии, но в трехличной форме *damiġena* «поставил он мне то» *i-* уже нельзя считать той же единицей, поскольку в результате сопоставления форм *damiġena*, *dagiġena*, *daiġena* *i-* объединяется с другой морфемой (*i- ~ u-*), здесь префиксы *i- ~ u-* выражают объектную версию.

Заслуживают внимания соображения автора о так называемой мнимой категории. Если форма не вступает в оппозицию с другой формой, то она лишена возможности выражать грамматическую категорию. Мнимой, по А. Г. Шанидзе, оказывается категория в случае, если форма слова по некоторому внешнему признаку, своему формообразованию может относиться к той или иной категории, однако лишена соответствующей функции [7, с. 384]. Например, в глаголе *uġvars* «любит» явно выделяется преф. *u-*. В грузинском глаголе *u-* — показатель объектной версии, но в словоформе *uġvars* мы не можем считать *u-* аффиксом объектной версии, поскольку не существует ее оппозиционного коррелята.

В словоформе *icis* «знает» выделяется преф. *i-*. *icis* — переходный глагол, а в грузинских переходных глаголах *i-* выступает показателем субъектной версии; казалось бы, мы имеем полное право квалифицировать здесь *i-* как аффикс субъектной версии. Однако А. Г. Шанидзе не соглашается с подобной трактовкой по той причине, что словоформа *icis* не имеет оппозиционного коррелята, не обладает способностью выражать субъектную версию. В противоположность этому случаю преф. *i-* выражает субъектную версию в словоформе *iġeteb* «делает для себя», так как форма *iġeteb* вступает в оппозицию с *uġeteb* (объектная версия — «делает он ему») и *aġeteb* (нейтральная версия — «делает он вообще»). Совершенно очевидно, что при отсутствии форм объектной и нейтральной версий префиксу *i-*

в словоформе *iketeb's* нельзя было бы приписать значение субъектной версии.

В грузинском есть несколько глагольных словоформ, которые формально относятся к субъектной версии: *a-i-γ-o* «он взял, поднял», *da-i-çir-a* «он поймал», *da-i-çq-o* «он начал», *še-i-nax-a* «он спрятал», *ça-i-qvan-a* «он увел, увез» и др. [7, с. 348]. Они образуют оппозиционные пары, ср.: *a-u-γ-o* «он взял ему», *da-u-çir-a* «он поймал ему», *da-u-çq-o* «он начал ему», *še-u-nax-a* «он спрятал ему», *ça-u-qvan-a* «он увел для него» и др. Сопоставление матерпала, казалось бы, свидетельствует о том, что словоформы с преф. *i-* выражают субъектную версию, а с преф. *u-* — объектную. Дело, однако, в том, что словоформы этого типа с преф. *i-* нельзя рассматривать как формы субъектной версии, поскольку, исходя из их функции, фактически они выражают нейтральную версию, несмотря на то, что по своему образованию они являются формами субъектной версии. Здесь явно противопоставлены друг другу форма и функция. По мнению А. Г. Шанидзе, в системе версии современного грузинского языка глагольные словоформы этого типа должны быть отнесены к нейтральной версии, поскольку «в спорных вопросах формы и функции предпочтение следует отдавать функции» [7, с. 349]. Как справедливо отмечал Г. И. Мачавариани, «для А. Г. Шанидзе „форма“ в узком смысле подразумевает звуковую сторону слова (или выражение), а в широком смысле „форма“ подразумевает как выражение, так и значение и назначение, функцию. „Функцию“ А. Г. Шанидзе понимает как значение, содержание или значение-назначение или только назначение» [1, с. 63].

Несмотря на некоторые подобные непоследовательности, А. Г. Шанидзе еще в 20-х годах создал свою, по существу цельную концепцию структуры языка, разработал и ввел в обиход практического исследования методiku, которую в ту отдаленную эпоху редко кто применял при рассмотрении вопросов морфологии. А. Г. Шанидзе «прежде всего является исследователем морфологической системы языка. В 20—30-х годах XX в. при изучении проблем морфологии он применил те методы, которыми пользовались в фонологических исследованиях европейские и американские ученые» [1, с. 64]. Г. И. Мачавариани считал поэтому, что «грамматическое учение А. Г. Шанидзе по своим основным характеристикам можно определить как одну из ранних разновидностей структурализма в области морфологии... Выработанная А. Г. Шанидзе процедура морфологического анализа носит ярко выраженный „структуралистический“ характер» [1, с. 63].

В своих картвелистических исследованиях А. Г. Шанидзе довольно часто привлекает параллели из языков различных систем. В то же время он полагает, что выводы, полученные в результате анализа грузинского и других картвельских языков, могут быть использованы при изучении иных языковых систем.

Исследователи грузинского глагола выделяли несколько (обычно — более десяти) времен. А. Г. Шанидзе пришел к выводу, что причиной этого было смешение категории времени с другими категориями (ряда, наклонения, одновременности). По его мнению, в грузинском языке три грамматических времени: настоящее, прошедшее, будущее; не может существовать несколько прошедших, несколько будущих. А. Г. Шанидзе считает, что и в других языках следует выделять лишь три времени (настоящее, прошедшее, будущее). «Дробление грамматического времени, — пишет он, — возможно только в том случае, если иметь особые формы для разных отрезков времени в будущем или прошедшем. Для этого обяза-

тельно, чтобы имелись две формы или больше форм, которые точно обозначали бы тот или иной отрезок времени в прошедшем или будущем. Так, например, если бы русские формы *буду делать* и *сделаю* различались между собой не в видовом отношении, а в отношении обозначения разных отрезков физического времени в будущем (скажем, если бы форма *буду делать* означала совершение действия от момента речи до следующего утра, а *сделаю* совершение действия после следующего утра), то тогда мы имели бы два будущих времени. Подобным образом, если бы разные формы прошедшего времени указывали точно на тот или иной отрезок времени, то тогда мы имели бы несколько прошедших времён» [9, с. 417].

В связи с таким подходом А. Г. Шанидзе выделил в грузинском языке особую глагольную категорию, которую назвал *mckrwi* — «ряд». По его мнению, данная категория характерна для всех языков (где глагол имеет формы спряжения), но ее, как правило, не выделяют, поскольку смешивают с другими категориями, такими, как время, наклонение. Время и наклонение (а также кратность, заглазность, одновременность) в грузинском предстают лишь элементами категории ряда. А. Г. Шанидзе отмечает: «Отождествление означенных групп (имеются в виду спрягаемые группы глаголов, которые отличаются друг от друга формами лица и числа, а в некоторых языках — рода и класса. — Д. К., С. З.) с временами или наклонениями в корне неправильно. Поэтому я позволю себе выдвинуть для однородных групп глагольного спряжения термин „ряд“ (груз. *mckrwi*), который способен устранить неправильное употребление терминов и смешение разных грамматических категорий. Что такое „ряд“? Ряд — это группа форм глагольного спряжения, которые объединены общими грамматическими признаками, но различаются по лицам и числам (а в некоторых языках и по родам, или классам)» [9, с. 411], см. также [10, с. 43]. Каждый спрягаемый элемент *mckrwi* (ряда) А. Г. Шанидзе называет членом ряда [9, с. 424—425].

А. Г. Шанидзе считает, что и в русском языке элементами ряда являются время и наклонение. Глаголы несовершенного вида имеют здесь пять рядов, а совершенного вида — четыре [9, с. 428], в арабском — пять рядов: два для изъявительного наклонения и по одному — для других (сослагательного, условного и повелительного) [9, с. 429].

Свое исследование о категории ряда А. Г. Шанидзе завершает так: «Я склонен думать, что общими усилиями лингвистов удастся уточнить те категории, которые являются составными элементами рядов в разных языках. Это в равной степени относится как к малоизученным языкам Кавказа, так и к хорошо изученным языкам Европы, каковы немецкий, французский и английский. Не говоря о других преимуществах нового подхода к глагольным формам, один лишь подсчет рядов какого-нибудь языка, с указанием количества членов, уже даст определенное представление о богатстве или о бедности спрягаемых форм глагола данного языка» [9, с. 430].

Точку зрения А. Г. Шанидзе использовал при анализе глагольной парадигмы новоармянского языка И. И. Шилакадзе [11], см. также [12].

Одной из интереснейших глагольных категорий картвельских языков является, как известно, версия. А. Г. Шанидзе посвятил ей не одно исследование. Он полагает, что соответствующие данные картвельских языков могут оказать определенную помощь и исследователям индоевропейских языков. По мнению ученого, категория версии характерна и для индоевропейских языков, хотя здесь она и не так четко выражена, как в картвельских [7, с. 352]. В частности, междум древнегреческого А. Г. Шанидзе

считает не формой залога, а выражением субъектной версии; он отмечает: «Для древнегреческого несомненно следует поставить вопрос об обладании им категории версии в переходных глаголах, которые в определенных случаях (например, в аористе) имеют по две формы, резко отличающиеся друг от друга по принадлежности и назначению как своей формой, так и функцией, — нейтральную и субъектную. Однако старые грамматики считают формы субъектной версии такими образованиями, которые якобы соизмеримы с действительным и страдательным залогами» [7, с. 352—353]. В действительности, по мнению А. Г. Шанидзе, актив и пассив соотносятся друг с другом по конверсии, актив и «медиум» — по принадлежности, в то время как страдательный и «медиум» — несоизмеримые формы. Греческий «медиум» фактически выражает субъектную версию: *ἔταίβησάτο* «он воспитал его», ср. форму актива, выражающую нейтральную версию *ἔταίβησε* «он воспитал его». Такая квалификация греческой формы опирается и на то, что она переходна и имеет при себе прямое дополнение [7, с. 353].

А. Г. Шанидзе заключает, что «от категории залога следует обособить категорию версии и отвести ей самостоятельное место в греческом и других индоевропейских языках, где субъектные формы, называемые медиумом, дошли до наших дней в виде реликтов» [7, с. 353]. Взгляды А. Г. Шанидзе разделяет в своем «Учебнике греческого языка» А. В. Урушадзе.

В индоевропейских и семитских языках глаголы действительного и страдательного залогов различаются формально. В картвельских языках различие создается еще и тем, что глагол действительного залога по сравнению со своим конверсивным страдательным выражает одним лицом больше [7, с. 287—288].

То обстоятельство, что в грузинском субъектная версия и страдательный залог выражаются одним и тем же префиксом *ι-*, А. Г. Шанидзе объясняет, опираясь на конверсию: *da-ι-cer-a* «написал он (себе) то», *da-ι-cer-a* «написано то». По его мнению, форма страдательного залога с преф. *ι-* является конверсией субъектной версии действительного залога (форма действительного залога утратила лицо субъекта, прямой объект глагола действительного залога превратился в субъект страдательного залога, префикс внешне остался неизменным, но изменилась его функция). Ссылкой на конверсию легче объяснить и то, что в древнегрузинском (равно как и некоторых диалектах новогрузинского) глаголы страдательного залога префиксального образования имеют в рядах II серии показатель мн. числа *-en/-n*: актив — *da-v-xaṭ-en* «нарисовал я их», пассив — *da-ι-xaṭ-n-es* «они нарисованы»; *da-gu-mal-n-a* «он спрятал нас», *da-wi-mal-en-t* «мы спрятались». В глаголы страдательного залога афф. *-en/-n* перешел из форм актива, в результате чего получилось двойное выражение множественности лица субъекта: *daixat-n-es*, *dawimal-en-t*. Материал грузинского и других картвельских языков представляет несомненный интерес для истории категории залога вообще.

А. Г. Шанидзе глубоко изучил категорию контакта в грузинском [7, с. 358—373], см. также [10, с. 44]. По его мнению, исследователи грузинского языка недостаточно адекватно понимали суть данного явления, поскольку «не были выяснены отношения между основной формой и каузативом, а также вытекающие из этих отношений обстоятельства» [7, с. 371]. А. Г. Шанидзе полагает, что форму контакта неправомерно считать формой особого залога ни в грузинском, ни в других языках, где эта категория существует, «поскольку залог данной формы — действительный, и она предполагает соответствующую пассивную форму» [7, с. 371].

А. Г. Шанидзе специально указывает на возможность образования в некоторых языках (арабском, персидском, тюркских) переходных глаголов от переходных и форм каузатива от форм непосредственного контакта [7, с. 369].

В своих трудах А. Г. Шанидзе часто привлекает данные языков различных систем для иллюстрации тех или иных типологических параллелизмов. В последней связи интерес представляет следующий факт, впервые выявленный А. Г. Шанидзе: в древнегрузинском языке категория аспекта различалась по сериям: в I серии все глаголы были несовершенного вида, а во II серии — совершенного вида (при этом наличие или отсутствие преверба роли не играло). Уже в древнегрузинском зародилась противоположная тенденция — различение совершенного и несовершенного видов в зависимости от присоединения преверба, т. е. норма, господствующая в новогрузинском. Для того, чтобы подчеркнуть соответствующие типологические аналогии, А. Г. Шанидзе называет систему древнегрузинского типа греческой, а новогрузинского типа — славянской [7, с. 266—272], см. также [12].

Следует упомянуть, что А. Г. Шанидзе первым обратил внимание на целый ряд явлений, которые затем оказались в центре внимания картвелистов. Одной из основных характеристик сванского вокализма является, как известно, умлаут. А. Г. Шанидзе детально описал данное явление и разъяснил его механизм в статье «Умлаут в сванском», впервые опубликованной в сборнике «Арилы» в 1926 г. (см. также [14]). Комплекс вопросов морфологии сванского языка остался бы неясным, если не принять во внимание механизм умлаута [14, с. 323]. В этом исследовании, выдержанном в лучших традициях картвельского языкознания, впервые учтено одно из основных методических требований современной лингвистики — необходимости использования данных сравнительно более низкого уровня — фонологии — при исследовании вопросов иерархически более высокого уровня — морфологии. Здесь же следует отметить, что завершив описание системы умлаута, А. Г. Шанидзе приступил к его диахроническому анализу, в результате чего прояснились многие вопросы истории не только сванского, но и других картвельских языков.

А. Г. Шанидзе первым из исследователей в середине 20-х годов указал на отражение аблаута в грузинском в таких формах, как *baga-bugi* «битье», *pasa-puci* «суета», *rame-rumi* «кое-что», *urtiertas* «друг другу», *çur-çeri* «посуда» и др. [15]. В другой работе А. Г. Шанидзе пишет: «В грузинском мы имеем чередование гласных основы (аблаут), но оно выражено слабо. Наиболее существенным является чередование гласных *e : i* в глагольных формах различных серий — *vgrex : vgrixe* „скручиваю — скручивал“, которое приобрело определенное грамматическое значение (различие глагольных тем опирается на чередование гласных)» [7, с. 567]. В дальнейшем аблаутные чередования в грузинском и других картвельских языках детально изучили Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, пришедшие к выводу, что это явление следует считать одним из основных структурных признаков общекартвельского языка-основы [16].

А. Г. Шанидзе первым обратил внимание на так называемые «аномальные соответствия» между сибиллянтными спирантами и аффрикатами картвельских языков и, в частности, высказал предположение о наличии «двойного *z*» в общекартвельском (имеются в виду такие случаи, когда грузинской фонеме */s/* в других картвельских языках соответствует, с одной стороны, */š/*, а с другой — */s/*; ср. [17, с. 45, примеч. 2]). Предположение, высказанное А. Г. Шанидзе, послужило импульсом для выдвижения тео-

рии о трех рядах сибилантных спирантов и аффрикат в общекартвельском состоянии [18, 17]. Обоснование этой теории, безусловно, следует считать значительным достижением современной картвелистики [19, 20].

А. Г. Шанидзе является одним из выдающихся советских лингвистов, постоянно сочетающим разработку отраслевой картвелистической и общелингвистической проблематики. Его языковедская концепция, равно как методология исследования и совокупность изысканий, еще не до конца изучены и не в полной мере оценены. Конечно, не все бесспорно в его учении и трудах, посвященных анализу конкретных вопросов, но бесспорно одно: А. Г. Шанидзе обозначил в развитии картвельского языкознания целый этап, придавший картвелистике ее современный облик [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мачавариани Г. И.* Некоторые вопросы грамматической концепции Акакия Шанидзе в свете структурной лингвистики. — В кн. Ориони. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
2. *Шанидзе А. Г.* Вступительное слово, произнесенное при защите диссертации на заседании Ученого совета Тбилисского университета 9 мая 1920 года. — Соч. II. Тбилиси, 1981, с. 527—528.
3. *Шанидзе А. Г.* Пережитки употребления объектного префикса III лица перед гласными в грузинских глаголах. — Сообщения Тифлисского ун-та. Т. II. 1922—1923 (на груз. яз.).
4. *Джавахишвили И. А.* Новооткрытые древнейшие грузинские рукописи и их значение для науки. — Сообщения Тифлисского ун-та. Т. II. 1922—1923, с. 292 (на груз. яз.).
5. *Шанидзе А. Г.* наэмтные тексты и их значение для истории грузинского языка. — Сообщения Тифлисского ун-та. Т. II. 1922—1923, с. 362 (на груз. яз.).
6. *Шанидзе А. Г.* Грузинская грамматика. I. Морфология. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.).
7. *Шанидзе А. Г.* Основы грамматики грузинского языка. I. — Соч. III. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
8. *Климов Г. А.* Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962, с. 14—17.
9. *Шанидзе А. Г.* Категория ряда в глаголе. Общие вопросы формообразований глаголов на примерах грузинского языка. — Соч. II. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
10. *Шанидзе А. Г.* Грамматические заметки. — ВЯ, 1984, № 2.
11. *Шилакадзе И. И.* Категории спряжения современного армянского языка. — В кн.: Вопросы языка и стиля. Ереван, 1964 (на арм. яз.).
12. *Шанидзе А. Г.* Новый взгляд на природу спряжения новоармянского глагола. — Тр. Тбилисского гос. ун-та, 1965, т. 116.
13. *Шанидзе А. Г.* Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия. — Сообщения АН Груз. ССР. Т. III. № 9. Тбилиси, 1942.
14. *Шанидзе А. Г.* Умлаут в сванском. — Соч. II. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
15. *Шанидзе А. Г.* К этимологии *selicadi* (Проблема редукции в картвельских языках). — Соч. II. Тбилиси, 1981, с. 311.
16. *Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
17. *Мачавариани Г. И.* Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
18. *Мачавариани Г. И.* О трех рядах сибилантных спирантов и аффрикат в картвельских языках. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960.
19. *Vogt H.* Contributions à la reconstruction du phonétisme du Kartvélien commun. — *Bedi Kartlisa*, 1963, XV—XVI, p. 33.
20. *Церетели Г. В.* О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. — В кн.: *Гамкрелидзе Т. В.* и *Мачавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965, с. 013—014.
21. *Азгледiani Г. С.* Несколько слов о большом картвелологе. — В кн.: Ориони. Тбилиси, 1967, с. 38—39 (на груз. яз.).